

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

History and Literature

С.С. Ипполитов, В.И. Тюпа

МИСТИФИКАЦИЯ ПУШКИНА: КЕМ БЫЛ ПОКОЙНЫЙ «СЛАВНЫЙ МАЛЫЙ» ИВАН ПЕТРОВИЧ БЕЛКИН?

S. Ippolitov, V. Tyupa

Alexander Pushkin's Mystification: Who was the Late "Nice Fellow" Ivan Petrovich Belkin?

Пушкин был не только первым профессиональным русским писателем – писателем, заложившим фундамент той русской литературы, какой мы ее теперь знаем в качестве одной из мировых литератур, – Пушкин был еще и историком. Для своего времени вполне профессиональным. Во всяком случае, он знал толк не только в «играх воображения», но и в архивных разысканиях.

Это обстоятельство побудило авторов статьи – историка и филолога, – испросив покровительства и у Клио, и у Каллиопы, чей союз обычно приносит немалые открытия¹, соединить усилия в попытке найти ответ на вопрос, вынесенный в заголовок. Если угодно, разгадать одну из мистификаций русского гения, созданных его «игривым воображением» и загаданных современникам и потомкам.

* * *

«Повести покойного И.П. Белкина» являют собой один из наиболее спорных феноменов русской классической литературы. Объем исследований этого творения пушкинского гения, огромен, но многие вопросы остаются дискуссионными и по сей день. Однако неоспоримым для пушкинистов уже без малого двести лет остается тезис о вымышленности Ивана Петровича Белкина – персонажа, не имеющего действительно существовавших прототипов.

Но так ли это?

Взглянем на карту Малоярославецкого уезда Калужской губернии XIX в. Окрестности селения Полотняный Завод – имения Гончаровых, вошедшего в историю благодаря в том числе сватовству и женитьбе Пушкина, – в то время были заселены весьма плотно:

Корнеевка, Бобровка, Барановка, Мокрище, Сетунь, Букрино. Эта россыпь небольших деревень на северо-востоке уезда принадлежала роду князей Белкиных. Все они находились на расстоянии 10–15-ти верст от Полотняного Завода, час–полтора езды в экипаже.

Родоначальником Белкиных надо считать «дивного мужа Аманда Бассавола, честью маркграфа», выехавшего из Пруссии к великому князю Московскому Даниилу Александровичу в 1267 г.:

«К Великому Князю Данилу Александровичу выехал из Пруссии дивный муж Аманд Бассавол, честию Маркграф, названный по крещеньи Васильем и был у Великаго Князя Наместником. Правнук сего Аманда, московский же наместник Петр Бассавол имел сына Алексея по прозванию Хвост, который находился в Москве тысяцким. Правнук Алексея Петровича Федор Борисович Отяй, имел сына Ивана по прозванию Белка. От Алексея Хвоста пошли Хвостовы; от Федора Отяя – Отяевы; а от Ивана Белки – Белкины. Происшедшие потомки от сего Ивана Белки Григорий Иванович Белкин за многия службы в 1619 году и за Московское осадное сидение, также и сын его Тимофей Григорьевич Белкин за службу и храбрость от Российских Государей пожалованы были поместьями и на оные грамотами... Все сие доказывается сверх Бархатной книги, жалованными на поместья грамотами и родословною Белкиных»².

Выходит, соседями Гончаровых по имению – причем соседями *ближайшими* – являлись князья Белкины, представители древнего и заслуженного рода, чьи предки были отмечены на протяжении всей истории Государства Российского.

С кем же из рода Белкиных мог встретиться Пушкин в мае 1830 г., когда приехал в Полотняный завод и жил в господском доме Гончаровых? И кто именно мог стать прототипом «автора повестей» Ивана Петровича Белкина?

Обратимся к метрическим книгам Успенской церкви села Сетунь Малоярославецкого уезда и церкви Преображения Господня села Ферзиково Калужского уезда, хранящимся в Государственном архиве Калужской области.

Метрическая книга церкви Преображения Господня за 1806 г. содержит запись № 2 от 27 апреля о бракосочетании «прихожанина Успенской церкви с. Сетунь Малоярославецкого уезда сельца Корнеевки майора Федора Стефанова сына Белкина и Анны Ларионовны, дочери владелицы сельца Каменки...»³

Годы жизни князя Федора Степановича Белкина пока установить не удалось. Но если принять во внимание порядок чиновничьего производства, действовавший в Российской империи, его особенности на рубеже XVIII и XIX вв., а также военно-политические события того времени, можно с уверенностью предположить, что в год бракосочетания, которому предшествовал выход в отставку, ему было не более 25-ти лет. Если он служил армейским офицером, в пехоте или в артиллерии, и участвовал «в делах и походах против неприятеля»,

то, возможно, в отставку он вышел после ранения, полученного в одном из сражений.

Так или иначе, но, как явствует из метрических книг, жена Анна родила ему девятерых детей: Василия (р. 1807)⁴, Сергея (р. 1808)⁵, Николая (р. 1809/1810)⁶, Дмитрия (р. 1811)⁷, Александра (р. 1813)⁸, Марию (р. 1814)⁹, Ольгу (р. 1815)¹⁰, Степана (р. 1819)¹¹, Михаила (р. 1824)¹².

То обстоятельство, что в метрических книгах Успенской церкви села Сетунь вплоть до 1854 г. сведения о кончине Ф.С. Белкина и его сыновей (за исключением Николая, «умершего опухолью» в 1810 г.¹³) не обнаружены, позволяет предположить, что в мае 1830 г. в селе Корнеевка, расположенном в 12-ти верстах от Полотняного Завода, в княжеском имении, проживали молодые люди и их преклонного возраста, но еще не старый отец, пребывавший если не в полном, то в относительном здравии.

Не обнаружилось в метрических книгах и сведений о бракосочетании молодых, вступивших в пору зрелости, сыновей Белкиных, троим из которых в 1830 г. исполнилось от 17-ти до 23-х лет. В семье же Николая Афанасьевича и Натальи Ивановны Гончаровых в 1830 г. дочерям исполнилось: Екатерине – 21 год, Александре – 19 лет, Наталье – 18 лет. Чтобы князь и княгиня Белкины, в семье которых были сыновья «брачного» возраста, не свели знакомство с ближайшими соседями, с родителями «девиц на выданье», – такое предположение противоречит помещичьим обычаям и этикету. Даже если Николай Афанасьевич Гончаров с женой и дочерьми жил в Полотняном заводе только в летние месяцы.

Если майор Ф.С. Белкин был немного старше Н.А. Гончарова (1787 г.р.), а самому ему в 1830 г. было не более 50-ти лет, можно предположить, что между ними, близкими по возрасту людьми, установилось обычное общение отцов соседствующих семейств. Притом весьма теплое (особенно если учесть крайне сложные отношения Николая Афанасьевича с его собственным отцом – Афанасием Николаевичем, – своевольно и расточительно распоряжавшемся в Полотняном Заводе). Не на эти ли приятельские отношения Николай Афанасьевича намекает Пушкин в «Повестях», когда «издатель» сообщает об «одном почтенном муже, бывшем другом Ивану Петровичу», который величает Белкина «искренним другом и соседом по поместьям»?¹⁴

Да и что такое 12 верст между двумя господскими домами?! Летние конные и пешие прогулки, охота, зимнее катание на тройках не могли не «столкнуться» отцов семейств или компании соседской молодежи где-нибудь на живописном берегу речки Суходрев, протекавшей по землям обоих имений, или в лесу, сплошным массивом покрывавшем их «пограничье». Достоверных сведений о встречах Ф.С. Белкина с Н.А. Гончаровым, как и их семей, пока обнаружено, но чтобы за два–три десятка лет их не было вообще, – маловероятно.

В Российском государственном архиве древних актов, в фонде рода Гончаровых, где, помимо прочего, хранятся хозяйственные документы имения Полотняный Завод, нашлись бумаги, неопровержимо доказывающие, что встречи между Ф.С. Белкиным и главой семейства Гончаровых – Афанасием Николаевичем, дедом Натальи Николаевны, – происходили, и неоднократно.

Так, в 1820 г. «майор Федор Белкин» продал А.Н. Гончарову крестьянку Марью Лазареву: «Лета 1820 июня в двадцать осьмой день майор Федор Степанов сын Белкин продал надворному советнику Афанасию Николаеву сыну Гончарову крепостную... Калужской губернии Малоярославецкого уезда деревни Баланино вдову крепостную женку Марью Лазареву ценою государственными ассигнациями сто рублей...»¹⁵

При совершении сделки присутствовало четверо свидетелей, подлинник купчей крепости был передан в Малоярославецкий уездный суд.

Торговля крепостными крестьянами и обмен ими были для помещиков делом обыденным. Они сопровождалась определенным ритуалом, неоднократно описанным в литературе и отраженным в искусстве. Прежде чем приобрести очередного крепостного человека, его или ее надо было внимательно осмотреть и убедиться в полезности нового приобретения для хозяйства. Решения о купле-продаже принимались, как правило, хозяевами имений: управляющим и приказчикам такое ответственное дело обычно не доверялось. Тем более – покупка крепостного человека у ближайшего соседа. Поэтому взаимные визиты при таких сделках были обязательны и неизбежны.

Приезд в имение соседа – пусть даже поводом для визита стала «коммерция» – это событие. Мы вновь вступаем на почву предположений, но попробуем реконструировать ситуацию. Мог ли обойтись соседский визит в имение без обеда? Без угощений и вежливо-участливых расспросов? Без взаимных приветствий гостя и членов семьи хозяина? Без знакомства с юными членами семейства, если таковое не состоялось ранее? Ответ на эти вопросы один: абсолютно невозможно (вспомним «Барышню-крестьянку», визит Берестовых к Муромским). Не угостить приехавшего в гости соседа, не соблюсти установившийся столетиями обычай и этикет, граничило бы с намеренным нанесением обиды. И, скорее всего, знакомство всей семьи Гончаровых, включая Наталью Николаевну, с Ф.С. Белкиным состоялось в один из таких приездов.

Мог ли сопровождать отца в такой поездке один из сыновей (подобно Алексею Берестову, сопровождающему отца к Муромским)? Например, Василий Белкин, которому в 1825 г. – году последней отраженной в документах сделки с Гончаровым – исполнилось 19 лет? Конечно, мог, поскольку, во-первых, обычай приобщать старшего

сына к управлению хозяйством соблюдался в помещичьих семьях весьма строго, и, во-вторых, деловой визит к соседям с сыном мог рассматриваться отставным майором в свете возможного родства, коль скоро семья Гончаровых славилась «девицами на выданье».

Следующая отраженная в документах встреча Ф.С. Белкина с А.Н. Гончаровым произошла в 1825 г. В тот год между соседями была совершена более масштабная сделка:

«1825 года ноября 20 дня, я, нижеподписавшийся майор Федор Степанов сын Белкин, дал сие условие надворному советнику и кавалеру Афанасию Николаевичу Гончарову в том, что продал я ему, Гончарову, в дачах моих Малоярославецкого уезда близ деревни Баланино в пустоши Поддубенке на срубку дровяной березовый и осиновый лес, по измерению нашему, двадцать одну десятину, или сколько оно будет более или менее все без остатку ценою за две тысячи сто рублей государственными ассигнациями, за который лес и деньги означенные причитающиеся сего вперед все сполна я, Белкин, от его, Гончарова, получил.

Лес же оный ему, Гончарову, рубить и возить своим коштом, от написанного сего условия в течение двух лет, то есть будущего 1827 года ноября по 20-е число весь без остатка, а мне, Белкину, ему, Гончарову, в рубке и возке того леса препятствия никакого не чинить»¹⁶.

Несомненно, А.Н. Гончаров до заключения сделки покупаемый им лес осматривал, на белкинскую пустошь выезжал и там встречался там со своим соседом. На это уверенное предположение наталкивают слова «по измерению нашему» в тексте документа.

Иными словами, дед Натальи Николаевны, отстранив своего заболевшего сына от управления имением, неоднократно общался на деловой почве со своим соседом, отставным майором Ф.С. Белкиным, который, в таком случае, бывал в господском доме имения Полотняный Завод, и бывал не раз.

Способствовала общению не только географическая близость двух имений и «деловые отношения» их владельцев, но и «транспортная доступность». На карте Калужской губернии XIX в. обозначена грунтовая дорога, проходящая через Полотняный Завод и связывающая его с владениями Белкиных: селами Корнеевка и Сетунь (эта дорога сохранилась до наших дней: на всех спутниковых картах она хорошо просматривается). То, что дорога, проходившая между Полотняным Заводом и владениями Белкиных, указывалась на картах XVIII–XIX вв., говорит о ее хозяйственном и прочем значении как пути сообщения. Она была удобна и пользовались ею во всякое время года, что, безусловно, облегчало соседское общение.

* * *

Приезд Пушкина в Полотняный Завод 25 мая 1830 г., с целью представиться главе семейства Афанасию Николаевичу, не был тай-

ной: о нем знали многие. Вспомним хотя бы визит владельца калужского городского книжного магазина и библиотеки Ивана Антипина и его приятеля Фаддея Абакумова. Эти почитатели поэта прошагали пешком более 30-ти верст, чтобы поздравить его с днем рождения.

Но как они узнали о приезде Пушкина?

Можно предположить, что весть разнеслась в момент его проезда (вместе с невестой, ее матерью Натальей Николаевной и сестрами) через Калугу по пути в имение Гончаровых. В губернском центре «почтовый дом» помещался на Старомясницкой улице (ныне – улица Достоевского, дом 41). Из Москвы Пушкин вместе с будущими родственниками выехал по Старой Калужской дороге, в губернском центре в течение часа получил свежих лошадей и все напрямик отправились в имение Гончаровых.

Видел ли кто-нибудь поэта в этот час? Кто-то, кто мог узнать его и сообщить новость «всему городу»... Смотритель почтовой станции? Был ли калужский служитель почтового ведомства, входившего тогда в состав Министерства внутренних дел, столь просвещенным и сведущим? Если нет – как тогда книготорговец узнал о приезде Пушкина, направляющегося именно в Полотняный Завод? Конечно, эти сведения содержались в подорожной, которую Пушкин предъявил на почтовой станции. Но тогда ничего не остается, как предположить, что станционный смотритель был горячим почитателем Пушкина, и тут же побежал в библиотеку к Антипину, чтобы поделиться такой важной новостью. Не слишком убедительное предположение.

Более вероятным представляется, что известие о приезде столичного жениха распространилось по окрестностям отнюдь не случайно. Скорее всего, по многовековой традиции об этом событии глава семьи Гончаровых загодя уведомил своих друзей и знакомых. Если так – уведомление о столь важном визите должно было быть доставлено и ближайшим соседям. И это уведомление, по сути, являлось приглашением.

* * *

Отвлечемся от событий конца мая 1830-го г. и вспомним, какое значение в повседневности и традициях русских помещиков отводилось празднованию тех или иных памятных дат человеческой жизни.

Дурным предзнаменованием считалось не праздновать своих именин или дня рождения. Приятель Пушкина С.П. Жихарев писал: «Заходил к Гнедичу пригласить его завтра на скромную трапезу: угощу, чем Бог послал... Отпраздную тезоименитство свое по преданию семейному: иначе было бы *дурное предзнаменование* для меня на целый год»¹⁷.

В том же, столь интересующем нас, 1830 г. П.А. Вяземский писал своей жене: «Итак, мне 38 лет. Я никому не сказывал, что я ро-

дился. А хорошо бы с кем-нибудь омыться крещением шампанского, право, не из пьянства, а из суеверия, сей набожности неверующих: так! Но все-таки она есть и надобно ее уважить»¹⁸.

Побывавший в России француз Сегюр изрядно удивлялся этой традиции русских дворян: «Было введено обычаем праздновать дни рождения и именины всякого знакомого лица, и не явиться с поздравлением в такой день было бы невежливо... В эти дни никого не приглашали, но принимали всех, все знакомые съезжались»¹⁹.

Был ли сам Пушкин склонен к вере в предзнаменования такого рода? Да, безусловно. Мы помним, какое впечатление произвело на него происшествие во время венчания в церкви Большого Вознесения, когда кольцо Пушкина, при обмене колец, упало на пол, а потом у него погасла свеча. Он побледнел и сказал: «Все – плохие предзнаменования!»

* * *

Итак, 26 мая 1830 г., в день своего рождения, Пушкин оказался в родовом гнезде Гончаровых, в доме деда своей невесты. Скоро свадьба. Поэт ведет непростые переговоры о приданом с дедом Натальи Николаевны и ее матерью (с Натальей Ивановной, дамой властной и тяжелой в общении, дело порой доходило до ссор). Можно ли допустить предположение, что в такой ответственный момент жизни сам Пушкин и люди, которые вскоре должны стать его родственниками, нарушили бы вековые традиции и не отпраздновали день рождения поэта, вполне осознанно обрекая молодых на «плохие предзнаменования»? Предположить такое невозможно. Думается, дата приезда в Полотняный Завод была выбрана неслучайно.

И было застолье, и вести о приближающемся событии – приезде столичного жениха, да еще в его день рождения – были заблаговременно распространены в кругу соседей и друзей семьи Гончаровых. Отсюда и, на первый взгляд, труднообъяснимый визит калужского книготорговца с приятелем: тот заранее знал об ожидаемом приезде Пушкина.

Могла ли эта весть не достичь владений ближайших соседей по имению? И как вообще строились соседские отношения в то время? Как сам Пушкин относился к соседскому общению? Избегал ли такого общения, как его «добрый приятель» Евгений Онегин?

В поисках ответов обратимся, для примера, к короткому отрезку жизни поэта – к осени 1830 г., проведенной в Болдино.

В сентябре Пушкин познакомился с Н.А. Новосильцевой и ее дочерьми в соседском селе Апраксино, и даже обсуждал с ними судьбу героев «Онегина»²⁰. 29 сентября он посетил другую свою соседку – княгиню А.С. Голицину, усадьба которой находилась в 13-ти (!) верстах от Болдино²¹. В том же месяце познакомился с помещиком А.А. Крыловым²², посетил имение Кемля, принадлежавшее С.С. и

П.П. Кротковым²³. В октябре поэт уже сам принимал соседей с визитами, бывал в Апраксино и в с. Черновское²⁴.

Судя по этим встречам, соседи-помещики играли значимую роль в жизни Пушкина. Поэтому трудно поверить, что в беседах поэта с его невестой ни разу не зашел разговор о ближайших соседях. Не меньше шансов, что речь о них могла зайти и во время бесед поэта с главой семейства Гончаровых: Афанасию Николаевичу они все были хорошо знакомы, с иными, как с майором Ф.С. Белкиным, он неоднократно общался «по делу».

Подобные гипотетические рассуждения могли бы показаться надуманными и безосновательными, если бы не имели под собой вполне конкретный прецедент – образ гробовщика Адриана Прохорова из повести «Гробовщик»²⁵. Лавка его реального прототипа, как известно, располагалась в Москве на Большой Никитской улице, как раз напротив дома невесты поэта. «Населить» свое новое произведение соседями Натальи Николаевны, вплести в ткань произведения знакомые ей ориентиры, лица и фамилии, наполнить его знакомыми с детства образами – разве это не прекрасный подарок любимому человеку? В этом смысле сосед по имени, наверняка хорошо знакомый семье Гончаровых с детства, представляется намного более подходящим прототипом для увековечивания в прозе, нежели гробовщик из дома напротив, с которым юная Наталья Николаевна уж точно общаться не могла.

И еще один факт. Пушкинистам хорошо известно, что набросок биографии «Петра Ивановича Д-», хранящийся в Пушкинском Доме (Ф. 244. Оп. 1. № 161; VIII, 581–583), появился ранее 1830 г. Самим Пушкиным он датирован не был. Исходя из места в рукописи, Б.В. Томашевский отнес его к 1829 г.²⁶ Жизнеописание «Д-, помещика села Горюхино» и автора «достойной некоторого внимания» рукописи, облеклось в форму письма его опекуна и друга к будущему издателю сочинения «покойного» автора. На этом основании Б.В. Томашевский полагал, что замысел «Повестей Белкина» может быть предположительно датирован осенью 1829 г., а Д.П. Якубович прямо определил этот текст как «черновик первой редакции» предисловия к «Повестям Белкина»²⁷.

Из этого факта следует, что в первоначальном замысле «помещик села Горюхино» вовсе не был Белкиным. Конечно, изменение первоначального замысла, имен героев и географии описываемых событий – явление частое в пушкинском творчестве. Однако этот факт ложится еще одним мозаичным осколком в нашу версию. Сформулировать это предположение можно было бы так: имя главного героя «Повестей» было изменено Пушкиным под впечатлением от поездки в имение Полотняный Завод, где он услышал о ближайшем соседе Гончаровых.

Или – что не менее вероятно – познакомился лично.

Ведь фамилия «Белкин» отнюдь не являлась литературным псев-

донимом А.С. Пушкина. Известный пушкинист Н.К. Гей отмечал: «Белкин был не псевдонимом автора, а подставным лицом, или даже, если быть точным – подставным автором “Повестей”. Создателю “Повестей”, по-видимому, нужна была в этом случае вовсе не призрачная, по сути дела, фиктивная анонимность, но нужен был сам Белкин!»²⁸.

Разделяя это предположение, обратим внимание на любопытные фрагменты переписки А.С. Пушкина с его другом и соратником по издательским делам П.А. Плетневым.

В декабре 1830 г. Пушкин сообщил Плетневу: «Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьётся»²⁹.

В письме от 3 июля 1831 г.: «Я переписал мои 5 повестей и предисловие, т.е. сочинения покойного Белкина, славного малого...»³⁰

Через неделю, 11 июля: «На днях отправил я тебе... повести покойного Белкина, моего приятеля»³¹.

И, наконец, письмо от 15 августа 1831 г.: «Посылаю тебе с Гоголем сказки моего друга Ивана Петровича Белкина...»³²

Чего ради в каждом из этих писем Пушкин пишет об Иване Петровиче Белкине как о некоем когда-то жившем, реальном человеке? Хотя уже в первом письме, в декабре 1830 г., он сообщил открытым текстом: повести написаны лично мной, Пушкиным. Читая эту переписку, трудно избавиться от ощущения, что за словами Пушкина, которыми он определяет своего литературного героя («славный малый», «мой приятель», «мой друг») стоит вполне конкретный прототип, реальный, телесный образ которого всплывает в памяти поэта каждый раз, когда он заводит речь о новом произведении.

Наконец, наши рассуждения были бы неполными без попытки ответить на два вопроса: почему не найдено никаких упоминаний о встрече А.С. Пушкина с кем-либо из представителей рода Белкиных? почему нет никаких источников, содержащих хотя бы намек на события, которые могли произойти в Полотняном Заводе в конце мая 1830 г.?

Думается, ответ прост. Пушкин не придавал большого значения этой встрече, если она действительно имела место: он был поглощен куда более важными делами, от которых зависело счастье всей его жизни. Это был лишь «эпизод из жизни прототипа». Заимствование Пушкиным этого имени надо рассматривать исключительно в контексте его отношений с Натальей Николаевной Гончаровой. Именно ей и никому более была адресована и понятна эта «шутка гения». Именно она должна была улыбнуться, встретив в новом произведении своего жениха знакомое ей с детства имя. Для всех прочих Белкин должен был остаться загадкой.

А сами Белкины – живые люди из плоти и крови – вряд ли оставили заметный след в жизни поэта. Вероятно, не больший, чем настоящий гробовщик Адриан Прохоров или Иван Антипин и его приятель Фаддей Абакумов, о встрече которых с Пушкиным мы знаем

лишь благодаря чудом сохранившемуся автографу.

* * *

Так состоялось личное знакомство А.С. Пушкина и представителя рода Белкиных в Полотняном Заводе в мае 1830 г. или нет?

Однозначный ответ на этот вопрос сегодня дать невозможно. Быть может, обнаружение писем Н.Н. Пушкиной пролило бы свет на эту историю. Но факт остается фактом: спустя всего лишь три месяца после поездки в имение невесты Пушкин ввел в ткань своего прозаического произведения фамилию «Белкин» вместо первоначального «Д.». Могло ли это быть случайностью? Вряд ли.

Особенно если вспомнить, что после завершения белкинских повестей Пушкин, развивая сложившийся образ, в первых числах ноября начал сочинять «Историю села Горюхина».

Тут настала пора поближе познакомиться с вышедшим в отставку офицером, мечтающим о статусе «сочинителя». Между прочим, «горюхинский историк» сообщает: «В сие отделение входят записки деда моего Ивана Андреевича Белкина и бабки моей...»³³

Еще одна загадка – и еще одно архивное открытие: Иван Белкин – реально существовавший человек. Это доказывает документ, обнаруженный в Государственном архиве Калужской области: написанная от руки «Родословная рода Белкиных» примерно в конце 1820-х гг. Номером 13 в ней пронумерован Иван Белкин. Только сыном он приходился Даниле, а Андрею, родному брату Данилы, – племянником³⁴. И этот Иван Данилович Белкин – не кто иной, как родной дед майора Федора Степановича Белкина – того самого современника Пушкина, который мог познакомиться с ним в 1830 г. в господском доме Гончаровых в Полотняном Заводе...

Как-то не верится, что такое может быть случайностью или простым совпадением. Возможно, Пушкин не просто слышал о соседях Гончаровых и не только встречался с ними, но и заинтересовался историей рода Белкиных. Нет ничего невероятного даже в том, что он держал в руках эту «Родословную рода Белкиных». А потом либо намеренно изменил Ивану Белкину отчество, либо позабыл, что Иван – сын Данилы, а не Андрея Белкина.

А возможно, все эти сведения о роде Белкиных, ближайших соседях своих будущих родственников, Пушкин почерпнул из рассказов невесты. Возможно, пока еще не известная историкам и не нашедшая отражение в источниках личная встреча поэта с майором Федором Степановичем Белкиными состоялась и оказалась для него чем-то интересной и важной.

Во всяком случае не вызывает сомнений, что фамилия «сочинителя» не была случайным выбором, а стала известна Пушкину именно во время поездки в Полотняный Завод.

Кажется очевидным, что влюбленный поэт населял мир своих

Сидоровская родня Стыхина

1
Александр

2
Василий

3
Горисъ

4
Игдаръ

5
Иванъ

6
Ксень

7
Григорий

8
Иванъ

9
Согданъ

10
Младанъ

11
Андрей Данила

12
Иванъ

13
Василий Степанъ

14
Федоръ Александръ

15
Василий Сергий Степанъ Младанъ Александръ Федоръ

22
Григорий

23
Младанъ

24
Иванъ

25
Тарасъ

26
Иванъ Лукьянъ

27
Младанъ

28
Александръ Федоръ

создавая поэтическую вселенную, увековечившую столь дорогой для него повседневный мир любимого им человека.

* * *

Но помимо интимно-биографической мотивировки литературная мистификация, положившая начало русской классической прозе, могла иметь и иную, творческую, подоплеку.

Мало кто помнит действительное название пушкинского творения, привычно подвергаемое бездумному сокращению: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.». В первом прижизненном издании 1831 г. это заглавие было выполнено различными шрифтами так, что графически выделялись обрамляющие строки: «Повести ... А.П.». В российском литературном мире того времени ни для кого не было секретом, кто именно подписывал свои произведения этими инициалами. Создатель повестей совершенно не собирался скрывать свое подлинное имя. Ему был важен эффект *двойного авторства*, который превращал пять разрозненных сочинений подставного автора в единое сложносоставное произведение автора подлинного.

Данный эффект подчеркивался не только полным заглавием произведения, но и финальной его ремаркой – «Конец повестям И.П. Белкина» – без традиционного завершения словом «конец» каждой из повестей в отдельности. Подчеркивался он и системой эпиграфов, где выбор первого (ко всему тексту) приписать самому Белкину никак невозможно, и смеховой тональностью предисловия «От издателя», контрастирующей с серьезностью сочинительских интенций самого Белкина, и глубоко не случайным расположением повестей, последовательность которых в книге существенно отличается от последовательности их написания.

Разумеется, прием подставного автора неоднократно использовался в мировой и русской литературе, как до Пушкина, так и после. Но если, например, в тексте «Пригожей поварихи» Чулкова первое лицо рассказчицы переменить на третье (заменить рассказчицу повествователем), то от этого ровным счетом ничего не изменится: весь смысл произведения сосредоточен в рассказываемых событиях. У Гоголя, а позднее у Лермонтова феномен подставного авторства разработан гораздо глубже. И все же Рудый Панько в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» или Печорин в «Дневнике Печорина» остаются *масками* своих авторов. Тогда как Пушкин в качестве «издателя» *отстраняется* от Белкина как «своего другого». (Вспомним хотя бы портретную характеристику Ивана Петровича – «лицом был бел» – и сопоставим с общеизвестной смуглостью Александра Сергеевича). Уж не облегчал ли Пушкин себе психологически эту необычную для литературы того времени творческую операцию отстранения, связав вымышленную фигуру повествователя с реаль-

ным человеком?

Попробуем разобраться, в чем смысл указанного размежевания авторских ипостасей. Отнюдь не в литературной полемике, как об этом нередко толкуют. Столь авторитетным пушкинистом, каким был В.Э. Вацуро, неопровержимо доказано, что произведения и сюжеты, послужившие фундаментом для «Повестей Белкина», суть «литературные образцы, уже давно сошедшие со сцены и для читателя 1830-х гг. безнадежно устаревшие. Встречающееся иногда в литературе мнение, что Пушкин своими повестями стремился вскрыть надуманность их сюжетных ситуаций и наивность их характеров, — уже по одному этому следует отвергнуть. Не было никакой надобности в 1830 г. полемизировать с литературой, уже не существовавшей для образованного читателя и знакомой лишь провинциальному помещику, почитывающему от скуки журналы и книги прошедшего столетия»³⁶. Кстати, уж не таким ли именно читателем и был действительный прообраз прославленного Пушкиным «сочинителя»? Во всяком случае, пушкинский Белкин признается: «Малое число книг, найденных мною под шкафами и в кладовой, были вытвержены мною наизусть».

В устарелой литературщине да в неловких провинциальных попытках выглядеть значительнее, чем он есть на самом деле, и коренится собственный «голос» Белкина, который «настойчиво стремится «подвести» своих героев под определенные амплуа, ... героев с живым лицом он жаждет “подогнать” под известные ему книжные стереотипы»³⁷. Тогда как истинный автор, укрывающийся за маской «издателя», видит эти несоответствия между живой жизнью и омертвевшими стереотипами и готов лукаво, так сказать, кивком указать на них читателю. Не случайно в одном из двух примечаний к своему предисловию издатель специально обращается к тем из читателей, кого он называет «любопытными изыскателями». (Авторы данной статьи, вероятно, вправе и себя причислить к этому разряду).

В итоге перед проницательным читателем, как замечает И.Л. Попова, открывается возможность «видеть две версии изложенных событий, не только ту, о которой рассказал простодушный повествователь, но и ту, о которой умолчал автор»³⁸. Или, как формулирует В.Е. Хализев, повести получают «двойное эстетическое завершение: Белкин пытается придать пересказанным анекдотам назидательность, однозначную серьезность и даже приподнятость (без которых литература в его глазах лишается оправдания), а подлинный автор стирает “указующий перст” своего «предшественника» лукавым юмором»³⁹.

Практически любая фраза белкинских сочинений имеет свою лицевую и свою изнаночную стороны. Не вникнув в эту их особенность, легко можно, как это случилось, например, с Белинским, стать читателем только посредственных повестей Белкина, а не пушкинского шедевра, то есть восприятие целого подменить рас-

смаатриванием его осколков.

«...Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами» – такова «лицевая» сторона финальной фразы «Выстрела». Однако мы опустили ее начало: «Сказывают, что Сильвио...» Между тем, в начале второй части рассказчик «проговаривается», что был и остается лишенным общения с кем-либо из соседей или приезжих, кто мог бы поделиться с ним этим слухом. Белкин, как сообщает его биограф-сосед, вышел в отставку в 1823 г. А поскольку сражение под Скулянами произошло в 1821 г., и никаких сведений о героической гибели своего загадочного знакомого у Белкина не имелось вплоть до июня 1825 г. (граф и графиня посетили свое имение через два года после выхода рассказчика в отставку), то выдуманность концовки Белкиным-сочинителем становится и вовсе очевидной.

Несомненность именно такой датировки событий подтверждается также и тем соображением, что столь бравый гусар, каким был поначалу Сильвио, не мог уйти в отставку ранее 1814 г., ранее победного возвращения армии Александра I в Россию. Граф Б. вступает в брак через шесть лет после их дуэли с Сильвио, вызвавшей эту отставку, то есть, вероятнее всего, в 1820 г., а рассказывает Белкину о своеобразном возобновлении дуэли через пять лет после своего медового месяца, то есть в том самом 1825 г., какой мы получили, исходя из биографии повествователя.

Так приоткрывается «изнаночная» сторона финала повести. Белкин-сочинитель умышленно завершает жизнь своего персонажа, дабы, уподобив его Байрону, также погибшему за свободу Греции, тем самым возвысить, героизировать Сильвио. Но это чисто литературная смерть, проливающая свет не на характер героя, а на усилия его героизации со стороны повествователя, наделенного подражательным «романическим воображением» (так он сам себя характеризует, тогда как биограф заявляет о «недостатке воображения» у своего соседа). Иначе говоря, там, где Белкин ставит точку, для Пушкина начинается новый виток общего сюжета: антитеза жизненных позиций Владимира и Бурмина в «Метели» очевидным образом продолжает противостояние Сильвио и графа Б. (с тем же гибельным исходом для слишком серьезных первых номеров и счастливым – для жизнерадостных персонажей с фамилиями на букву Б).

Феномен двойного авторства был беспрецедентной находкой Пушкина. Ф.М. Достоевский горячо утверждал, что явиться миру «с Белкиным» значило «решительно появиться с гениальным новым словом, которого до тех пор совершенно не было нигде и никогда сказано»⁴⁰. Приписывание авторства своего произведения реальному лицу, не имеющему к его написанию никакого отношения, – тоже крайне редкий способ литературной мистификации. К тому же органично вписывающийся в пронизывающее все произведение боре-ние живой жизни и литературных условностей.

Заманчиво предположить, что замена условного Д. на реально существовавшего Белкина явилась последним, довершающим мазком гениального художника, усмотревшего в этой шутке смысл, не открывшийся большинству его современников, но достаточно очевидный немногим. Мы ведь не знаем, от чего именно «ржал и бился» элегический Баратынский – читатель, весьма посвященный в пушкинские тайны.

Дело в том, что феномен «двойного авторства» способен повлечь за собой также и эффект «двойного адресата». С.В. Шешунова справедливо отмечала «эзотерический пласт цикла, обращенный к тесному кругу друзей и единомышленников»⁴¹ и питаемый, добавим от себя, «арзамасской» традицией игрового мировосприятия.

Особого внимания в этом отношении заслуживает дневниковая запись Кюхельбекера от 20 мая 1833 г. Напомним, что сделана эта запись узником одиночной камеры, отнюдь не предрасположенным к смеховым переживаниям, но зато «доверенным» читателем Пушкина, распознающим скрытые в тексте аллюзии пронизательнее, чем это дано современному исследователю.

Итак: «Прочел я четыре повести Пушкина (пятую оставляю [...] на завтрашний день) — и, читая последнюю, уже мог от доброго сердца смеяться. Желал бы я, чтоб об этом узнал когда-нибудь мой товарищ; ему верно было бы приятно слышать, что произведения его игрового воображения иногда рассеивали хандру его несчастного друга»⁴².

Не парадоксально ли, что «смех от доброго сердца» прозвучал наконец над страницами четвертой (последней в этот день) повести? Кюхельбекера рассмешил «Станционный смотритель», исторгший впоследствии у литературоведов столько публицистических слез по поводу несчастной доли пресловутого маленького человека. А ведь, казалось бы, меланхолический финал этой истории должен был не «рассеять хандру», а возвратить заживо погребенного в казематах крепости читателя к меланхолическим переживаниям по поводу обстоятельств его собственной несчастной судьбы.

Впрочем, есть основания утверждать, что сочувствие несчастью в аристократической русской культуре первых десятилетий XIX в. не играло столь существенной роли, какую оно приобретает в разночинной культуре второй половины столетия. Во всяком случае, Пушкин писал в письме Прасковье Осиповой от 5 ноября 1830 г., то есть практически одновременно с работой над «Повестями»: «Мы сочувствуем несчастным из своего рода эгоизма: мы видим, что, в сущности, не мы одни несчастны. Сочувствие счастью предполагает весьма благородную и бескорыстную душу» («Nous sympathisons avec les malheureux par une espèce d'égoïsme: nous voyons que, dans le fond, nous ne sommes pas les seuls. Sympathiser avec le bonheur suppose une âme bien noble et bien désintéressée»)⁴³. Не сложно предположить, что Кюхельбекер прочел «Станционного смотрителя» в

истинно пушкинском ключе «сочувствия счастью» Минского с Дуней.

Вспомним, что во всех пяти повестях «от Белкина» присутствует или даже определяет сюжетное развитие истории мотив брачных уз, к которым так стремился болдинской осенью сам Пушкин. Баловни фортуны граф Б., Бурмин, ротмистр Минский и Алексей Берестов достигают счастливого соединения со своими возлюбленными. И даже в шутовском «Гробовщике» существенную сюжетную роль играет серебряная свадьба немецких ремесленников.

* * *

Трудно отказаться от мысли, что Пушкин, закладывая основы будущей классической русской прозы, еще и составил «свадебный букет» брачных союзов литературных героев – в подарок своей невесте. В таком случае рожденное «игривым воображением» авторство реально существовавшего соседа – майора Федора Степановича Белкина, внука столь же реально существовавшего Ивана Андреевича Белкина – оказывается скрытым от посторонних глаз, но ярким и оригинальным украшением этого «свадебного букета».

Примечания

¹ Федунина О.В. Форма сна и художественная память в романе XX века («Белая гвардия» М.А. Булгакова) // Новый филологический вестник [Филологический журнал]. 2005. № 1. С. 90–97; Голубева И.И. Драма восхождения в пропасть (о романе-хронике Сергея Карпенко «Последний главлком») // Новый филологический вестник [Филологический журнал]. 2006. № 1(2). С. 195–198; Ершова И.В. «Философия оружия» как трансформация одной культурной идеи: Карранса и Сервантес // Новый филологический вестник. 2014. № 2(29). С. 44–52; Фернандес Москера С. Кальдерон между историей и поэзией: Первые комедии и их политическая направленность // Новый филологический вестник. 2014. № 2(29). С. 104–115; Ауров О.В. «Исполняя долг всего рыцарства»: Заметки историка-медиевиста на полях романа Сервантеса // Новый филологический вестник. 2014. № 2(29). С. 116–128; Рылькова Г. Странная история: Чехов и Тургенев // Новый филологический вестник. 2015. № 2(33). С. 83–92.

² Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Ч. 5. СПб., [б.г.]. С. 44.

³ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 33. Оп. 4. Д. 17. Л. 458об.

⁴ ГАКО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 35. Л. 46.

⁵ Там же. Л. 57.

⁶ Там же. Л. 74об., 94об.

⁷ Там же. Л. 102.

⁸ Там же. Л. 124об.

- ⁹ Там же. Л. 134.
- ¹⁰ Там же. Л. 145.
- ¹¹ ГАКО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 35. Л. 181об.; Д. 65. Л. 237об.
- ¹² ГАКО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 69. Л. 37об.
- ¹³ ГАКО. Ф. 273. Оп. 1. Д. 35. Л. 94об.
- ¹⁴ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. VI. М., 1957. С. 79, 80.
- ¹⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1265. Оп. 2. Д. 378. Л. 2, 2об.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 406. Л. 1, 1об.
- ¹⁷ *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры: Этикет. М., 2007. С. 396.
- ¹⁸ *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры: Этикет. М., 2007. С. 396.
- ¹⁹ *Лаврентьева Е.В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры: Этикет. М., 2007. С. 396.
- ²⁰ Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. III. М., 1999. С. 237.
- ²¹ Там же. С. 240.
- ²² Там же. С. 242.
- ²³ Там же. С. 243.
- ²⁴ Там же. С. 255, 263.
- ²⁵ *Петрова Н.А.* «Гробовщик» – проза поэта // Новый филологический вестник [Филологический журнал]. 2006. № 1(2). С. 106–113.
- ²⁶ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. VI. С. 759.
- ²⁷ *Петрунина Н.Н.* Когда Пушкин написал предисловие к «Повестям Белкина» // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Л., 1985. С. 32.
- ²⁸ *Гей Н.К.* Мир «Повестей Белкина» // *Пушкин А.С.* Повести Белкина. М., 1999. С. 395.
- ²⁹ *Пушкин А.С.* Повести Белкина. М., 1999. С. 221.
- ³⁰ Там же. С. 222.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. С. 225.
- ³³ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. VI. С. 185.
- ³⁴ ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1727. Л. 6.
- ³⁵ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. VI. С. 185.
- ³⁶ *Вацуро В.Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 36.
- ³⁷ *Хализев В.Е., Шешунова С.В.* Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина». М., 1989. С. 40.
- ³⁸ *Попова И.Л.* Смех и слезы в «Повестях Белкина» // *Пушкин А.С.* Повести Белкина. М., 1999. С. 481.
- ³⁹ *Хализев В.Е., Шешунова С.В.* Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина». М., 1989. С. 42, 43.
- ⁴⁰ *Достоевский Ф.М.* Об искусстве. М., 1973. С. 415.
- ⁴¹ *Шешунова С.В.* О смысле эпиграфа к «Повестям Белкина» // А.С. Пушкин: Проблемы творчества. Калинин, 1987. С. 93.
- ⁴² *Кюхельбекер В.К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 250.
- ⁴³ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. X. М., 1958. С. 317.

Автор, аннотация, ключевые слова

Ипполитов Сергей Сергеевич – канд. ист. наук, директор Издательского центра Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

nivestnik@yandex.ru

Тюпа Валерий Игоревич – докт. филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета (Москва)

v.tiupa@gmail.com

Недавно обнаруженные документы, которые хранятся в российских архивах, помогли разгадать одну из литературных мистификаций, загаданную Александром Сергеевичем Пушкиным своим современникам и потомкам. Для исследователей творчества Пушкина уже без малого двести лет остается бесспорным всеобщее мнение о вымышленности Ивана Петровича Белкина – «автора» «Повестей Белкина». Прежде неизвестные архивные документы свидетельствуют: у «автора повестей» Ивана Белкина был реальный прототип – помещик Калужской губернии, майор Федор Степанович Белкин. Имение Белкиных находилось в Малоярославецком уезде, и он был ближайшим соседом Гончаровых. Он не раз встречался с семьей Гончаровых и гостил в их имении Полотняный Завод. В мае 1830 г. Пушкин приезжал в имение Полотняный Завод представиться главе семейства А.Н. Гончарову, деду своей невесты Натальи Николаевны Гончаровой. Именно там и именно тогда, по уверенному предположению авторов статьи, Пушкин мог познакомиться – и наверняка познакомился – с Федором Степановичем Белкиным. В подарок своей невесте русский гений составил «свадебный букет» брачных союзов своих литературных героев. Оригинальным украшением этого «свадебного букета» и стало авторство «Повестей Белкина» реально существовавшего и хорошо ей известного соседа.

А.С. Пушкин, Калужская губерния, Малоярославецкий уезд, Полотняный Завод, помещики, семья Белкиных, Федор Степанович Белкин, семья Гончаровых, Наталья Гончарова, повседневность, сватовство, «Повести Белкина», двойное авторство, литературная мистификация

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Aurov O.V. “Ispolnyaya dolg vsego rytsarstva”: Zаметki istorika-medievista na polyakh romana Servantesa. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2014, no. 2(29), pp. 116–128.

2. Ershova I.V. “Filosofiya oruzhiya” kak transformatsiya odnoy kulturnoy idei: Karransa i Servantes. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2014, no. 2(29), pp. 44–52.

3. Fedunina O.V. Forma sna i khudozhestvennaya pamyat v romane XX veka (“Belaya gvardiya” M.A. Bulgakova). *Novyy filologicheskiy vestnik [Filologicheskiy zhurnal]*, 2005, no. 1, pp. 90–97.

4. Fernández Mosquera S. Kalderon mezhdru istoriey i poeziey: Pervye komedii i ikh politicheskaya napravlennost. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2014, no. 2(29), pp. 104–115.

5. Golubeva I.I. Drama voskhozhdeniya v propast (o romane-khronike Sergeya Karpenko “Posledniy glavkom”). *Novyy filologicheskiy vestnik [Filologicheskiy zhurnal]*, 2006, no. 1(2), pp. 195–198.

6. Rylkova G. Strannaya istoriya: Chekhov i Turgenev. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2015, no. 2(33), pp. 83–92.

7. Petrova N.A. “Grobovshchik” – proza poeta. *Novyy filologicheskiy vestnik [Filologicheskiy zhurnal]*, 2006, no. 1(2), pp. 106–113.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

8. Gey N.K. Mir “Povestey Belkina”. *Pushkin A.S. Povesti Belkina* [Tales of Belkin]. Moscow, 1999, p. 395.

9. Petrunina N.N. Kogda Pushkin napisal predislovie k “Povestyam Belkina”. *Vremennik Pushkinskoy komissii. 1981* [Chronicle of the Pushkin Commission. 1981]. Leningrad, 1985, p. 32.

10. Popova I.L. Smekh i slezy v “Povestyakh Belkina”. *Pushkin A.S. Povesti Belkina* [Tales of Belkin]. Moscow, 1999 p. 481.

11. Sheshunova S.V. O smysle epigrafa k “Povestyam Belkina”. *A.S. Pushkin: Problemy tvorchestva* [A.S. Pushkin: The Problems of Creativity]. Kalinin, 1987, p. 93.

(Monographs)

12. Khalizev V.E., Sheshunova S.V. Tsikl A.S. Pushkina “Povesti Belkina” [A.S. Pushkin’s series “Tales of Belkin”]. Moscow, 1989, p. 40.

13. Khalizev V.E., Sheshunova S.V. Tsikl A.S. Pushkina “Povesti Belkina” [A.S. Pushkin’s series “Tales of Belkin”]. Moscow, 1989, pp. 42, 43.

14. Lavrenteva E.V. Povsednevnyaya zhizn dvoryanstva pushkinskoy pory: Etiket [The Everyday Life of the Gentry in the Pushkin Time: Etiquette]. Moscow, 2007, p. 396.

15. Lavrenteva E.V. Povsednevnyaya zhizn dvoryanstva pushkinskoy pory: Etiket [The Everyday Life of the Gentry in the Pushkin Time: Etiquette]. Moscow, 2007, p. 396.

16. Lavrenteva E.V. Povsednevnyaya zhizn dvoryanstva pushkinskoy pory: Etiket [The Everyday Life of the Gentry in the Pushkin Time: Etiquette].

Author, Abstract, Key words

Sergey S. Ippolitov – Candidate of History, Director of the Publishing Center, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
nivestnik@yandex.ru

Valeriy I. Tyupa – Doctor of Philology, Professor, Head of Department for Theoretical and Historical Poetics, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
v.tiupa@gmail.com

Recently discovered documents from Russian archives have helped to disclose one of literary mystifications conceived by Alexander Pushkin for his contemporaries and generations to come. Over almost 200 years researchers of Pushkin have never questioned the fictitious origin of Ivan Petrovich Belkin, “the author” of “Tales of Belkin”. However, the previously unknown archive materials provide the evidence that Ivan Belkin, the “author of the tales”, had a real prototype, i.e. Major Fyodor Stepanovoch Belkin, a landlord from the Kaluga province. The Belkins lived in their estate in the Maloyaroslavets uyezd. Being a close neighbour of the Goncharovs, Belkin would meet the Goncharov family and visit their estate in Polotnyaniy Zavod. In May 1830 Pushkin came to this estate to introduce himself to A.N. Goncharov, the head of the family and grandfather of his fiancée Natalya Goncharova. It was then and there, the authors argue, that Pushkin was likely and even certain to have made the acquaintance of Fyodor Stepanovoch Belkin. The Russian genius presented his bride with a “wedding bouquet” of his literary heroes and their marital unions. What made this “bouquet” look original was that “Tales of Belkin” appeared to be “authored” by her real well-known neighbour.

A.S. Pushkin, Kaluga region (province), Maloyaroslavets uyezd, Polotnyaniy Zavod (Linen Factory), landlords, Belkin family, Ivan A. Belkin, Fedor S. Belkin, Goncharov family, Natalya Goncharova, everyday life, courtship, “Tales of Belkin” (“Belkin’s stories”), dual authorship, literary hoax